

ГРНТИ 10.19.43

УДК 34.01

DOI: 10.54649/2077-9860-2026-1-76-84

К.С. Жылкичиева¹¹д.ю.н., и.о.доцент Международного университета

Кыргызской Республики, (г. Бишкек, Кыргызстан)

ORCID: 0000-0002-3492-3909, e-mail: jylkychievakunduz@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО: ОТ ПОИСКА ДЕФИНИЦИИ К ЦИФРОВОМУ ПРАВОСУДИЮ

Аннотация

В статье исследуется комплексное влияние технологий искусственного интеллекта на теоретические основы юриспруденции и прикладную юридическую деятельность. Анализируется проблема отсутствия универсальной дефиниции ИИ и ее последствия для формирования эффективного правового регулирования. Рассматривается трансформация методологии юридической науки, включая вопросы алгоритмизации права и необходимость междисциплинарного подхода. Материалами для статьи послужили теоретические (научные труды), нормативные (стратегические и законодательные акты КР) и эмпирические (данные о функционировании АИСС и зарубежный опыт) источники. В работе использованы следующие методы исследования: диалектический метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования, системный подход, а также статистический и аналитический методы для обработки эмпирических данных.

Особое внимание уделяется дискуссии о правосубъектности ИИ и моделях юридической ответственности за вред, причиненный интеллектуальными системами, где обосновывается целесообразность признания ответственности за владельцем источника повышенной опасности. На основе анализа нормативной базы и правоприменительной практики Кыргызской Республики показаны этапы цифровизации судебной системы: внедрение автоматизированной информационной системы суда, портала «Цифровое правосудие» и законодательное закрепление дистанционных форм судопроизводства. Выявлены ключевые риски применения ИИ в праве, такие как непрозрачность алгоритмов и угрозы кибербезопасности. Сделан вывод о сохранении ключевой роли человека в решении задач, требующих абстрактного мышления и ценностных суждений, при высоком потенциале автоматизации формализуемых юридических операций.

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровизация права; юридическая деятельность; электронное правосудие; правоприменительная деятельность; электронное правительство.

Введение

Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) постепенно трансформируют профессиональную деятельность в различных областях, включая юриспруденцию. Интеллектуальные цифровые системы активно применяются для обработки и анализа документов, оказывают поддержку в принятии решений и способствуют прогнозированию правовых исходов. Актуальность исследования влияния ИИ на юридическую деятельность на современном этапе представляется исключительно высокой. Это обусловлено интенсивной интеграцией технологий ИИ как в повседневную социальную практику, так и в профессиональную юридическую сферу, что, в свою очередь, актуализирует необходимость переосмысления традиционных подходов и поиска новых направлений развития юридической практики.

Информационные системы, функционирующие на основе технологий ИИ, последовательно внедряются в различные сегменты правовой сферы. Параллельно ИИ активно внедряется в медицину, энергетику, связь, городское управление и транспорт, включая такие чувствительные сферы, как здравоохранение, социальное обеспечение и правоприменение. Он становится ключевой

технологией цифровой экономики, а уровень его развития напрямую влияет на конкурентоспособность государства, что стимулирует масштабные инвестиции в исследования. Стремительное развитие нейросетевых технологий актуализирует вопрос о трансформации традиционных профессиональных ролей, одновременно способствуя повышению прозрачности, упрощению и автоматизации процессов нормотворчества и правоприменения. Влияние цифровых технологий на юриспруденцию остается открытым исследовательским вопросом, однако представляется очевидным, что данная отрасль претерпит существенные структурные и функциональные изменения.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ влияния ИИ на юридическую науку и практику, выявление ключевых теоретических и прикладных проблем, а также оценка перспектив и рисков внедрения интеллектуальных технологий в правовую сферу на примере Кыргызской Республики и зарубежного опыта.

Материалы и методы исследования

Теоретическую основу исследования составили научные труды отечественных и зарубежных авторов в области теории государства и права, информационного права и философии права. В частности, были проанализированы работы В.А. Лаптева, А.П. Ивановой, Д.О. Дрозда, А.А. Калиногорского и В.Ю. Самородова, посвященные проблемам правосубъектности ИИ, ответственности за его действия и применению цифровых технологий в юридической деятельности.

Нормативно-правовую базу исследования образуют стратегические и программные документы Кыргызской Республики, определяющие вектор цифровой трансформации государства: Национальная стратегия развития КР на 2018-2040 годы¹, Концепция цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан» 2019-2023 гг.², Концепция Цифровой трансформации КР на 2024-2028 гг.³, а также недавние законодательные изменения, включая Закон КР от 14 ноября 2025 года №260 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики»⁴, направленный на внедрение цифрового судопроизводства.

Эмпирическую базу составили материалы, отражающие практическое функционирование автоматизированной информационной системы суда (АИСС) в Кыргызстане, информационного портала «Цифровое правосудие», а также данные о зарубежном опыте цифровизации судебных систем (Китай, Канада, Великобритания, Ирландия, Суд ЕС).

Методологическая основа работы базируется на диалектическом подходе, позволяющем рассмотреть явление в развитии и противоречиях. Используются общенаучные методы анализа и синтеза для обработки теоретического материала, а также специально-юридические методы: формально-юридический (для анализа правовых норм и дефиниций), сравнительно-правовой (для сопоставления подходов к регулированию и практик внедрения ИИ) и метод правового моделирования (для оценки перспектив развития правосубъектности ИИ).

Результаты и обсуждение

1. Теоретические аспекты: дефиниция, природа и границы ИИ

Несмотря на длительную историю изучения, универсального определения ИИ до сих пор не выработано. Это связано с отсутствием единого правового подхода к его сущностным признакам. Между тем, четкая дефиниция понятия является необходимым условием для формирования эффективного правового регулирования. Очевидно, что при отсутствии международного консенсуса относительно того, что может считаться ИИ и какие существуют типы ИИ, не может быть выработан и общемировой подход к его регулированию. На сегодняшний день отсутствие единообразной дефиниции затрудняет понимание и применение правовой базы, поскольку ни одно из предложенных учеными определений не получило одобрения большинства в результате отсутствия консенсуса в мировом научном сообществе.

Формирование единого определения является проблемным вопросом нынешнего времени, что усугубляется отсутствием единого подхода к пониманию природы человеческого сознания

¹ Национальная стратегия развития КР на 2018-2040 годы. URL: https://www.gov.kg/storage/2020/01/files/program/8/natsionalnaya_strategiya_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_2018_2040_gody.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

² Указ Президента Кыргызской Республики от 12 мая 2023 года УП № 122 «О мерах по дальнейшему совершенствованию цифровой трансформации в сфере государственного управления». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/5-10103/edition/1251057/ru> (дата обращения: 10.10.2025).

³ Концепция Цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024-2028 годы. URL: <https://digital.gov.kg/wp-content/uploads/2024/06/konceptsiya-cifrovoj-transformacii-kyrgyzskoj-respubliki-na-2024-2028-gody.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).

⁴ Закон КР от 14 ноября 2025 года №260 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5689/edition/40817/ru> (дата обращения: 10.10.2025).

и разума. Человек способен ощущать и воспринимать мир, обладает памятью, мышлением, воображением и, главное, имеет возможность испытывать осознанные переживания. В этом контексте понятие ИИ также остается неопределенным, вне зависимости от того, идет ли речь об интеллекте человеческом или машинном. В доктрине под ИИ чаще всего понимается компьютерная система, которая обладает признаками автономности и способностью к совершению умозаключений. Исследователи приходят к выводу, что ИИ выступает предметом компьютерных наук, а создаваемые на ее основе технологии являются информационными технологиями, позволяющими совершать разумные рассуждения и действия с помощью вычислительных систем [1, с. 45]. Ряд ученых понимают ИИ как полностью или частично автономную самоорганизующуюся компьютерно-аппаратно-программную систему (в том числе виртуальную, киберфизическую или биокибернетическую), которая обладает способностями к мышлению, самоорганизации, обучению и самостоятельному принятию решений [2, с. 12].

Необходимо отметить возможность применения понятия «разумности», которая в данном контексте означает «способность выбирать наилучшее действие для решения поставленной задачи». Данное определение является отличным образцом четкой, но при этом достаточно подробной формулировки с перечислением основных свойств и способностей ИИ. Однако важно подчеркнуть, что современные системы ИИ не обладают самосознанием и субъективным опытом. При оцифровке человеческие воспоминания превращаются в массивы данных, в которых алгоритмы выявляют закономерности и формируют результат. Человеческая память включает не только хранение информации, но и личностное переживание и интерпретацию, что принципиально недоступно ИИ, функционирующему на основе формализованных алгоритмов без понимания смыслового содержания.

На текущем этапе развития технологии речь идет исключительно об инструментальной обработке информации, а не о наличии сознания. Создание самосознающей системы породило бы серьезные этические и правовые проблемы, однако перспективы возникновения у ИИ аналога человеческого сознания остаются неопределенными, поскольку научное понимание природы сознания до сих пор не является исчерпывающим. В настоящее время развитие ИИ направлено на повышение эффективности выполнения задач, поставленных человеком. Он рассматривается как инструмент, расширяющий человеческие возможности, включая обработку больших объемов данных и выполнение сложных операций, недоступных человеку по скорости или физическим параметрам. Как справедливо отмечает автор А.П. Иванова, современные технологии ИИ, как правило, лучше всего подходят для тех видов деятельности, где есть базовые паттерны и правила, формализованные однозначные ответы. Однако в концептуальных, абстрактных областях, где преобладает ценностный подход и необходима интуиция, технологии ИИ малоприменимы [3].

2. Влияние ИИ на юридическую науку: методология, субъектность и ответственность

Сегодня становится очевидным, что цифровая революция, и прежде всего развитие технологий ИИ, оказывает комплексное воздействие на социальную и правовую реальность, трансформируя не только формы общественных отношений, но и саму юридическую науку. Это требует переосмысления подходов к праву, правоприменению и юридической деятельности в целом. Одним из ключевых направлений влияния цифровизации выступает формирование новых методов правового анализа и регулирования, основанных на использовании алгоритмов, больших данных и интеллектуальных систем. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о том, в какой степени действующие правовые нормы способны адекватно регулировать отношения, возникающие в условиях алгоритмизованных и «оцифрованных» процессов.

Юридическая наука, сталкиваясь с вызовами, связанными с внедрением ИИ, оказывается в ситуации методологической трансформации. С одной стороны, возрастает потребность в интеграции инженерно-технической компетентности в подготовку и деятельность практикующих юристов – судей, прокуроров, адвокатов, специалистов органов законодательной власти, – поскольку оценка доказательств, цифровых следов и алгоритмических решений требует понимания принципов работы ИИ-систем. С другой стороны, усиливается значение правовой и юридико-технической экспертизы в процессе разработки и внедрения интеллектуальных технологий: право начинает выполнять не только регулятивную, но и проектировочную функцию, участвуя в формировании архитектуры цифровых решений.

Одной из наиболее сложных проблем цифровизации правовой сферы становится алгоритмизация, или «программируемость», закона. Речь идет о возможности трансляции нормативных предписаний в форму машинно-исполняемого кода, который ИИ-система способна интерпретировать и реализовывать автономно. Тем самым юридическая наука сталкивается с вызовом формализации правовых норм до уровня, пригодного для вычислительной обработки, что требует

пересмотра традиционных представлений о структуре, языке и логике права. С этих позиций новые задачи юридической науки состоят в поиске баланса между технологическим развитием и нормативной системой. Гармонизация может осуществляться двояко: либо посредством адаптации законодательства к особенностям цифровых технологий и ИИ, либо через проектирование технологий с учетом требований права. Очевидно, что решение указанных проблем выходит за пределы исключительно юридической компетенции и требует системного междисциплинарного взаимодействия юристов, программистов, инженеров, специалистов по кибербезопасности и этике технологий. Междисциплинарность становится не факультативным, а структурообразующим принципом современной юридической науки.

Ключевой проблемой современной юридической науки становится определение правового статуса цифровых технологий и систем ИИ. Все настойчивее звучит идея о необходимости специальной конструкции их правового положения, поскольку развитие ИИ ставит под сомнение традиционные представления о субъекте права. Так, В.А. Лаптев, анализируя возможные подходы к раскрытию понятия «искусственный интеллект» как правовой категории, поднимает проблему юридической ответственности за работу ИИ и возможности признания наличия у машины, обладающей ИИ, свойств субъекта права [4, с. 22]. Традиционно субъектами права признаются физические и юридические лица, а также публично-правовые образования. Развитие ИИ и киберфизических систем ставит эту триаду под сомнение и требует пересмотра критериев субъектности.

С теоретической точки зрения правосубъектность ИИ могла бы рассматриваться как производная от признания законодателем – по аналогии с юридическими лицами, которые также являются искусственно сконструированными субъектами. Однако влияние ИИ на юридическую науку выходит за рамки простой аналогии: речь идет о возможной трансформации самой категории субъектности в условиях цифровой среды. Особую сложность представляет так называемый «спонтанный интеллект», функционирующий без прямого контроля и выраженного интереса человека. Это радикально усложняет вопросы ответственности, распределения рисков и пределов автономии. Тем самым ИИ заставляет пересматривать базовые элементы теории права – волю, возложение ответственности, причинность и пределы правовой самостоятельности.

В предпринимательском праве субъект определяется через регистрацию, хозяйственную компетенцию, имущественную обособленность и способность нести ответственность. Применение этих признаков к промышленным ИИ-системам выявляет проблему: являются ли они лишь объектами права или обнаруживают элементы правосубъектности? ИИ-роботы могут иметь регистрационный учет, функционировать в пределах заданной компетенции, обладать экономической ценностью и подвергаться юридическому воздействию. Эти характеристики сближают их с субъектами. Однако они остаются имуществом и объектами собственности. Таким образом, ИИ занимает пограничное положение между объектом и носителем функциональной автономии, что усиливает влияние цифровых технологий на юридическую науку и заставляет пересматривать само понимание правосубъектности.

Юридическая наука традиционно проводит четкое различие между субъектом и объектом права. Тем не менее история демонстрирует, что эти границы не являются абсолютно неизменными: известны случаи, когда объекты правового регулирования впоследствии признавались субъектами права. В условиях цифровизации аналогичная дискуссия разворачивается вокруг ИИ. Развитие технологий демонстрирует, что адаптация классической модели юридического лица к ИИ может оказаться недостаточной. ИИ как программный модуль принципиально отличается от ИИ, воплощенного в физической форме (например, в автономном транспорте или робототехнических системах). Различия в уровне автономии и характере взаимодействия с внешней средой делают универсальную модель регулирования неприменимой. В результате юридическая наука вынуждена переходить к дифференцированному подходу: правовой режим ИИ должен определяться с учетом конкретной технологии, степени ее автономности и потенциальных рисков. Это предполагает формирование многоуровневой архитектуры правового статуса цифровых систем, а не их формальное включение в существующие категории.

С точки зрения подходов и представлений о юридической ответственности, в современной научной литературе представлены различные взгляды на возможности привлечения к ответственности за работу ИИ. Среди них выделяют: ответственность лица, программировавшего робота; ответственность лица, использующего робота в качестве инструмента; ответственность самого робота [4, с. 25]. Следует согласиться с выводом В.А. Лаптева, что «общим подходом в законодательстве должно выступить положение о том, что ответственным лицом за работу ИИ должен признаваться его владелец. Вместе с тем допустимо использовать конструкцию “ответственности фактического причинителя вреда” (пользователя)» [4, с. 26]. В частности, по ана-

логии с п. 2 ст. 1007 ГК КР, владелец ИИ может доказать, что объект выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц¹. В таком случае ответственность возлагается на лицо, противоправно завладевшее им. В случае виновного поведения владельца ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности, что предполагает правовую оценку поведения каждого участника правоотношения.

3. Практика внедрения ИИ в юридическую деятельность и судебную систему

Исследователями справедливо делается вывод о принципиальной возможности использования в юридической деятельности систем ИИ [5]. Профессиональная деятельность юриста включает широкий круг обязанностей: правовое консультирование, разработку и аргументацию правовой позиции, подготовку договоров и иных юридических документов, участие в судебных процессах и выполнение иных процедурных действий. Значительная часть этих операций характеризуется стандартизованностью и повторяемостью, что делает их пригодными для автоматизации посредством интеллектуальных программных решений, в частности при анализе и систематизации документов на стадии подготовки к судебному разбирательству.

В то же время необходимо учитывать объективные ограничения подобных технологических решений. Итоговая оценка значимости того или иного документа, как правило, остается в компетенции специалиста, поскольку программные алгоритмы не обладают способностью к комплексному осмыслению правовых норм, политико-правового контекста и иных абстрактных категорий. В связи с этим интеллектуальные системы преимущественно используются как вспомогательный инструмент первичного отбора материалов, очевидно не относящихся к предмету судебного спора.

Внедрение ИИ в юридическую практику сопряжено с рядом специфических вызовов. Право остается сложной и неоднозначной областью знаний, где квалифицированные юристы обладают уникальной экспертизой. Руководителям важно донести до команды, что автоматизация на базе ИИ не направлена на замену специалистов, а служит инструментом для повышения эффективности и облегчения рутинных задач. В юридической практике особенно важна точность и обоснованность решений, поэтому при использовании ИИ требуется прозрачность алгоритмов: система должна не просто предлагать решения, но и объяснять свою логику. Ключевым фактором успешного применения ИИ являются качественные обучающие данные, однако юриспруденция сталкивается с дефицитом структурированных и формализованных массивов документов, что делает создание централизованных оцифрованных баз данных приоритетной задачей.

Одной из типичных регулярных задач юридических подразделений является анализ документов с целью выявления потенциальных рисков. Статистические данные свидетельствуют, что приблизительно 80% ошибок, выявляемых юристами, связаны с элементарными и формальными нарушениями: некорректный расчет налога, ошибки в написании фамилий, ссылки на утратившие силу нормативные акты, неверные реквизиты контрагентов². Подобные ошибки могут быть эффективно обнаружены с использованием систем ИИ. В Кыргызстане развиваются свои проекты в этой области, например, Akyl AI, AiRun, Aitil, которые способны осуществлять проверку документов на предмет корректности ссылок и недопустимых комбинаций [6].

Дополнительным востребованным аналитическим инструментом является функция сравнения версий документов. Современные ИИ-платформы способны сопоставлять различные редакции текста, выделяя цветом идентичные, сходные и конфликтующие фрагменты, что облегчает контроль изменений и предотвращает ошибки при внесении правок.

На современном этапе наблюдается возрастающая интеграция технологий ИИ в сферу правотворческой и правоприменительной деятельности. Цифровизация судебной системы уже произошла во всем мире в разных формах, однако автоматизация судебной системы с помощью ИИ и машинного обучения все еще находится на начальной стадии. Канада, Великобритания и Ирландия, а также Суд Европейского союза внедряют электронный документооборот, онлайн-заседания и системы прогнозной аналитики. Наиболее высокий уровень цифровизации судебной системы достигнут в Китайской Народной Республике, где функционируют специализированные интернет-суды в Ханчжоу, Пекине и Гуанчжоу, деятельность которых основана на использовании технологий больших данных, блокчейна и ИИ [7, с. 115].

В Кыргызской Республике принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих электронное правительство и информационные технологии, что свидетельствует о понимании значимости цифровой трансформации. Национальная стратегия развития КР на 2018-2040 годы

¹ Гражданский Кодекс Кыргызской Республики. Часть II от 5 января 1998 года № 1. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-2/edition/1281648/ru> (дата обращения: 12.10.2025).

² McKinsey & Company. Global Institute Report on Automation and the Workforce. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/skill-shift-automation-and-the-future-of-the-workforce> (дата обращения: 14.10.2025)

закладывает основу для цифровой трансформации страны, устанавливая цель превращения Кыргызстана к 2040 году в цифровой хаб на Великом шелковом пути (п.4.1. ч.1.). Концепция цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан» 2019-2023 гг. закрепила основные направления развития электронного государства, включая электронный парламент, электронное правительство и электронное правосудие. Принятая в развитие этих инициатив Концепция Цифровой трансформации КР на 2024-2028 гг. продолжает заданный вектор. Создание нового Цифрового кодекса Кыргызстана было предусмотрено Указом Президента Кыргызской Республики «О неотложных мерах по активизации внедрения цифровых технологий в государственное управление КР», и этот кодекс призван объединить свод нормативно-правовых актов, регулирующих цифровизацию в государственном и предпринимательском секторах.

В системе органов государственной власти КР получили распространение такие явления, как «электронное правительство», предоставление услуг через портал «Тундук». Сформирован ряд государственных электронных реестров, однако их взаимодействие и межсистемная интеграция по-прежнему не обеспечены на должном уровне, что является одной из преград внедрения цифровой экономики. Но, как отмечает В.Ю. Самородов, само по себе развитие информационных технологий в правотворческой деятельности свидетельствует о понимании законодателем востребованности и необходимости своевременной регламентации применения информационных технологий [8, с. 33].

В сфере правоприменительной деятельности существенное влияние технологий ИИ прослеживается в оптимизации процесса осуществления правосудия. С 2016-2017 годов в судах общей юрисдикции внедрён механизм АИСС – автоматизированная информационная система суда (электронное судопроизводство) [9]. Цель данного нововведения заключается в обеспечении объективного и равномерного распределения судебной нагрузки между судьями и минимизации внешнего вмешательства в этот процесс. АИС регулирует коэффициент нагрузки судей при распределении дел, а также предоставляет такие преимущества, как учет и контроль движения дел, соблюдения процессуальных сроков, оперативное получение информации по нагрузке судей, формирование судебной статистики и автоматизированное составление отчетов. С начала 2020 года АИС начали внедрять в апелляционные суды Бишкека и Чуйской области [10].

Дополнительным цифровым проектом является информационный портал «Цифровое правосудие» – единый центр, где граждане могут получить информацию из различных информационных систем судов. Его основные функции включают: реестр судебных актов с возможностью глубокого поиска, персонализированный календарь заседаний, электронную повестку (уведомления через смс и личный кабинет), доступ к оригиналам судебных актов, информацию о несудимости, проверку задолженности и онлайн-оплату, а также базу образцов заявлений¹. Разработана также цифровая платформа обучения Высшей школы правосудия для подготовки судей и сотрудников судебной системы, которая с июня 2022 года внедрена в промышленную эксплуатацию [11].

Важнейшим этапом цифровой трансформации стало принятие 14 ноября 2025 года Закона КР №260 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики», направленного на внедрение цифрового судопроизводства. Документ задаёт новую архитектуру работы судов, обеспечивая полноценный переход на цифровые технологии. Ключевыми нововведениями являются: введение цифровой формы судопроизводства (формирование материалов в электронном формате, аудио- и видеофиксация заседаний, участие через видеоконференцсвязь), оптимизация нагрузки между судами через цифровое перераспределение дел Верховным судом, а также законодательное закрепление современных способов уведомления (смс, электронные уведомления). Закон вступил в силу 1 января 2026 года в рамках Государственной целевой программы «Развитие системы правосудия на 2023-2026 годы».

Обращаясь к доктрине, Д.О. Дрозд выделяет три уровня использования ИИ в судебной деятельности: техническая работа ИИ по анализу доказательств и судебной практики; оценка ИИ доказательств; рассмотрение дела ИИ [12, с. 67]. В контексте текущего развития Кыргызстана речь идет преимущественно о первом, техническом уровне, с постепенным движением ко второму.

4. Риски и ограничения применения ИИ в правовой сфере

Несмотря на очевидные преимущества, интеграция ИИ в юридическую деятельность сопряжена с серьезными рисками. Технические сбои и преднамеренное вмешательство со стороны недобросовестных лиц представляют собой значительные угрозы. ИИ-системы, применяемые в правовой сфере, включая судебную практику, могут стать целью кибератак. Хотя судьи также

¹ Официальный сайт информационного портала «Цифровое правосудие» Кыргызской Республики. — URL: <http://sot.kg> (дата обращения: 15.10.2025).

подвержены внешнему давлению, принципиальное различие заключается в том, что при взломе ИИ-системы злоумышленники могут получить полный контроль над её функционированием, что делает подобные угрозы существенно более масштабными и системными по сравнению с человеческим фактором.

Еще одной актуальной проблемой является ограниченная интерпретируемость таких систем и непрозрачность механизмов принятия ими решений (проблема «черного ящика»). Часто архитектура ИИ построена таким образом, что даже разработчики не всегда могут полностью объяснить логику, лежащую в основе выдаваемых результатов. С этим тесно связана проблема потенциальной предвзятости автоматизированных решений. Существует опасение, что выводы, сформированные с помощью ИИ, воспринимаются как абсолютно объективные и нейтральные, хотя на практике это далеко не всегда соответствует действительности. Автоматизированный отчет, содержащий, например, прогноз вероятности рецидива в 80,2%, может восприниматься судьями как безусловно достоверный, что создает риск чрезмерного доверия к системе и игнорирования заложенных в ней допущений и ограничений.

Таким образом, современные ИИ-системы демонстрируют высокую эффективность при обработке задач с четко определёнными шаблонами и правилами, но обладают неспособностью работать с абстрактными понятиями, переносить знания между областями и понимать смысл. Осознание этих сильных и слабых сторон имеет критическое значение для реалистичной оценки роли ИИ в правовой практике, где наибольший потенциал автоматизации имеют формализуемые задачи, в то время как функции, требующие абстрактного мышления, оценочных суждений и эмоционального интеллекта, остаются прерогативой человека.

Заключение

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что сегодня перед законодателем стоит задача по одновременному стимулированию развития цифровых инноваций и обеспечению гарантий защиты прав и свобод человека. Правовое регулирование в сфере технологий ИИ находится в зачаточном состоянии: отсутствует единый подход к определению и выделению типов ИИ, а также единое понимание относительно того, как следует регулировать разработку и применение систем. Среди ключевых проблем следует указать на значительное отставание регулирования от темпов развития технологий, а также на многоаспектный характер ИИ, делающий его сложным объектом для регулирования, требующим учета как этапов разработки, так и этапов эксплуатации.

Влияние ИИ на юридическую науку проявляется не только в обсуждении возможности признания его субъектом права, но и в глубокой трансформации теоретических оснований права. Под вопрос ставятся ориентированная на человека модель ответственности и устойчивость традиционных категорий юридического лица. ИИ становится фактором переосмысления самой структуры правовой реальности. Стратегической задачей является выработка таких правовых механизмов и научных подходов, которые позволят обеспечить согласованность технологического развития и правовых принципов, минимизируя риск конфликта между алгоритмом и законом.

Практика внедрения цифровых технологий в Кыргызстане демонстрирует последовательное движение в сторону формирования «электронного государства». Заложена законодательная база, активно развиваются автоматизированные системы судопроизводства (АИСС), портал «Цифровое правосудие», а принятый в 2025 году закон о цифровом судопроизводстве создает правовую основу для дистанционного правосудия. Несмотря на сохраняющиеся проблемы межсистемной интеграции и необходимость технических инвестиций, судебная система республики движется в правильном направлении.

ИИ является важнейшим компонентом новой цифровой экономики. Применение таких прорывных технологий открывает человечеству безграничные возможности, однако наряду с ними появляются и новые угрозы. Необходимо создать регуляторную среду для гармоничной интеграции технологий в общество, обеспечивающую сбалансированность интересов человека, общества, государства и компаний-разработчиков. Рост применения ИИ в правовой сфере требует определения его правового статуса, и юридическая наука вместе с практикой работают над установлением режимов электронного управления, гарантий при использовании цифровых инструментов и возможных моделей правовой квалификации ИИ, включая юридическую личность или формы ответственности.

Список литературы

1. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. – М.: Вильямс, 2021. – 1408 с.
2. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН, 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 9-35.
3. Иванова А.П. Искусственный интеллект как помощник юриста: пределы возможностей // Юридический мир, 2023. – № 8. – С. 22-26.
4. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2022. – № 1. – С. 19-34.
5. Вайпан В.А., Егорова М.А. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности: проблемы и перспективы // Право и экономика, 2021. – № 11. – С. 4-12.
6. Отчет о развитии цифровых экосистем в Кыргызской Республике // Министерство цифрового развития КР. — Бишкек, 2024.
7. Чжан В. Цифровое правосудие в Китае: опыт создания интернет-судов // Российское правосудие, 2022. – № 6. – С. 112-120.
8. Самородов В.Ю. Информационные технологии в правотворческой деятельности // Информационное право, 2021. – № 3. – С. 30-35.
9. Годовой отчет Верховного суда Кыргызской Республики о деятельности судов за 2022 год. – Бишкек, 2023.
10. Аналитическая справка о ходе внедрения АИС в судах Кыргызской Республики // Департамент по обеспечению деятельности судов. – Бишкек, 2023.
11. Отчет Высшей школы правосудия при Верховном суде КР о деятельности за 2024 год. – Бишкек, 2025.
12. Дрозд Д.О. Искусственный интеллект в судебной деятельности: уровни интеграции и правовые последствия // Вестник гражданского процесса, 2023. – Т. 13. № 4. – С. 64-80.

References

1. Rassel S., Norvig P. Iskusstvennyy intellekt: sovremennyy podkhod. – M.: Vil'yams, 2021. – 1408 s.
2. Yastrebov O.A. Pravosub'yektnost' elektronnoho litsa: teoretiko-metodologicheskiye podkhody // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN, 2020. – T. 15. – № 2. – S. 9-35.
3. Ivanova A.P. Iskusstvennyy intellekt kak pomoshchnik yurista: predely vozmozhnostey // Yuridicheskiy mir, 2023. – № 8. – S. 22-26.
4. Laptev V.A. Ponyatiye iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za yego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, 2022. – № 1. – S. 19-34.
5. Vaypan V.A., Yegorova M.A. Ispol'zovaniye iskusstvennogo intellekta v yuridicheskoy deyatel'nosti: problemy i perspektivy // Pravo i ekonomika, 2021. – № 11. – S. 4-12.
6. Otchet o razvitii tsifrovyykh ekosistem v Kyrgyzskoy Respublike // Ministerstvo tsifrovogo razvitiya KR. — Bishkek, 2024.
7. Chzhan V. Tsifrovoye pravosudiye v Kitaye: opyt sozdaniya internet-sudov // Rossiyskoye pravosudiye, 2022. – № 6. – S. 112-120.
8. Samorodov V.YU. Informatsionnyye tekhnologii v pravotvorcheskoy deyatel'nosti // Informatsionnoye pravo, 2021. – № 3. – S. 30-35.
9. Godovoy otchet Verkhovnogo suda Kyrgyzskoy Respubliki o deyatel'nosti sudov za 2022 god. – Bishkek, 2023.
10. Analiticheskaya spravka o khode vnedreniya AIS v sudakh Kyrgyzskoy Respubliki // Departament po obespecheniyu deyatel'nosti sudov. – Bishkek, 2023. 11.
11. Otchet Vysshey shkoly pravosudiya pri Verkhovnom sude KR o deyatel'nosti za 2024 god. – Bishkek, 2025.
12. Drozd D.O. Iskusstvennyy intellekt v sudebnoy deyatel'nosti: urovni integratsii i pravovyye posledstviya // Vestnik grazhdanskogo protsessa, 2023. – T. 13. № 4. – S. 64-80.

К.С. Жылкычиева¹

¹З.ғ.д., доцент м.а., Қырғыз Республикасы Халықаралық университеті,
(Бішкек қ., Қырғызстан)

ORCID: 0000-0002-3492-3909, e-mail: jylkychievakunduz@gmail.com

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ: АНЫҚТАМАНЫ ІЗДЕУДЕН ЦИФРЛЫҚ СОТ ТӨРЕЛІГІНЕ ДЕЙІН

Аңдатпа

Мақалада жасанды интеллект технологияларының құқық теориясының негіздеріне және қолданбалы заң қызметіне кешенді әсері зерттелді. Жасанды интеллекттің әмбебап анықтамасының болмауы мәселесі және оның тиімді құқықтық реттеуді қалыптастыруға ықпалы талданды. Құқықғылымының әдіснамасының трансформациясы, соның ішінде құқықты алгоритмдеу мәселелері және пәнаралық тәсілдің қажеттілігі қарастырылды. Мақаланың материалдық негізін теориялық (ғылыми еңбектер), нормативтік (Қырғыз Республикасының стратегиялық және заңнамалық актілері) және эмпирикалық (СААЖ жұмыс істеуі туралы деректер және шетелдік тәжірибе) құрайды. Зерттеуде келесі әдістер қолданылды: диалектикалық әдіс, талдау және синтез әдістері, формальды-заңи әдіс, салыстырмалы-құқықтық әдіс, құқықтық модельдеу әдісі, жүйелік тәсіл, сондай-ақ эмпирикалық деректерді өңдеу үшін статистикалық және аналитикалық әдістер.

Жасанды интеллекттің құқықсубъектілігі туралы пікірталасқа және интеллектуалды жүйелер келтірген зиян үшін заңдық жауапкершілік модельдеріне ерекше назар аударылды, мұнда жоғары қауіптілік көзі иесінің жауапкершілігін танудың негізділігі дәлелденді. Қырғыз Республикасының нормативтік базасы мен құқық қолдану тәжірибесін талдау негізінде сот жүйесін цифрландырудың кезеңдері көрсетілген: соттың автоматтандырылған ақпараттық жүйесін енгізу, «Цифрлық сот төрелігі» порталын іске қосу және сот ісін жүргізудің қашықтық нысандарын заңнамалық бекіту. Құқық саласында жасанды интеллектті қолданудың негізгі тәуекелдері, атап айтқанда алгоритмдердің ашық еместігі және киберқауіпсіздікке төнетін қатерлер анықталған. Формалдандырылатын заңдық операцияларды автоматтандырудың жоғары әлеуеті жағдайында абстрактілі ойлау мен құндылықтық пайымдауды талап ететін міндеттерді шешуде адамның негізгі рөлі сақталатыны туралы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: жасанды интеллект; құқықты цифрландыру; заң қызметі; электрондық сот төрелігі; құқық қолдану қызметі; электрондық үкімет

K.S. Zhylkichieva¹

¹Doctor of Law, Acting Associate Professor,
International University of the Kyrgyz Republic,
(Bishkek, Kyrgyzstan)

ORCID: 0000-0002-3492-3909, e-mail: jylkychievakunduz@gmail.com

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LAW: FROM DEFINING THE CONCEPT TO DIGITAL JUSTICE

Abstract

This article examines the comprehensive impact of artificial intelligence technologies on the theoretical foundations of jurisprudence and practical legal activity. It analyzes the problem of the absence of a universal definition of artificial intelligence and its implications for the development of effective legal regulation. The transformation of the methodology of legal science is considered, including issues of the algorithmization of law and the necessity of an interdisciplinary approach. The materials for this article comprise three groups of sources: theoretical (scholarly works), normative (strategic and legislative acts of the Kyrgyz Republic), and empirical (data on the functioning of the Automated Information System of the Courts and foreign experience). The study employs the following research methods: the dialectical method, methods of analysis and synthesis, the formal legal method, the comparative legal

method, the method of legal modeling, a systems approach, as well as statistical and analytical methods for processing empirical data.

Particular attention is paid to the debate on the legal personality of artificial intelligence and to models of legal liability for harm caused by intelligent systems, substantiating the expediency of attributing liability to the owner of a source of increased danger.

Based on an analysis of the regulatory framework and law enforcement practice of the Kyrgyz Republic, the stages of the digitalization of the judicial system are identified, including the introduction of an automated court information system, the "Digital Justice" portal, and the legislative consolidation of remote forms of judicial proceedings. Key risks associated with the use of artificial intelligence in law are identified, such as the opacity of algorithms and threats to cybersecurity. The article concludes that the central role of humans remains indispensable in resolving tasks requiring abstract reasoning and value-based judgment, despite the high potential for automating formalizable legal operations.

Keywords: artificial intelligence; digitalization of law; legal activity; e-justice; law enforcement practice; e-government